

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В.В. Алексеев

ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX В.

Прошлый век был самым сложным и противоречивым, героическим и трагическим, переполненным великими свершениями и одновременно опустошительным во всей тысячелетней истории государства Российского, оказавшегося на грани выживания. В чем причина случившегося, какова основная тенденция развития страны в эту эпоху, как интерпретировать ее историю, оглядываясь на век минувший? На эти вопросы нет убедительного ответа, несмотря на тысячи публикаций как в России, так и за ее пределами.

Многочисленные историографические школы от апологетики до критики капитализма, социализма, либерализма, не считая мелких увлечений, в той или иной форме объясняют суть происшедшего с идеологических позиций, преувеличивая роль политической истории, которая, разумеется, имела важное, но не решающее значение. Любой руководитель страны или политическая партия пытаются решать вопросы, поставленные жизнью, но вся проблема в том, какие вопросы и почему на данном историческом этапе выдвигает эта жизнь?

Нам представляется, что необходимо подняться над суетностью политических страстей современности, отказаться от модных «измов», а искать истину в конкретике исторического процесса. У каждой эпохи свой колорит, свое лицо, свои проблемы и адекватные им решения. Возникает естественный вопрос: что определяло лицо России в двадцатом столетии? На него нельзя ответить без учета мировой тенденции данной эпохи, а она заключалась в апогее модернизации — переходе от традиционного, патриархального, сельского общества к современному, индустриальному, городскому, демократическому, который по значимости равняется неолитической революции (замене собирательства и пастушества земледелием). Следовательно, мы имеем дело с явлением цивилизационного масштаба. Все остальное было причинами или следствиями, а иногда и попутными событиями главной закономерности эпохи. Именно на этом пути надо искать ключ к пониманию судьбы России в XX в., тем более что она вошла в него патриархальной аграрной страной, а вышла современной индустриальной.

Начало XX века со всей остротой поставило перед Россией вопрос о выборе пути: или оставаться традиционным обществом, с преимущественно аграрной экономикой, или решительно становиться на стезю индустриального развития со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями (устранение главных атрибутов традиционного общества — самодержавия, крестьянской общины; установление демократических порядков; формирование гражданского общества; массовое распространение грамотности и т.д.). Веками тянувшиеся полумеры не отвечали требованиям времени. Началась радика-

лизация общественных отношений, которая была подогрета геополитическими противниками России и подтолкнула страну к грандиозной революции, что чрезвычайно осложнило классический путь модернизационного перехода.

Поэтому задачей первостепенной важности является выяснение взаимодействия между модернизацией и революцией, прежде всего ее социалистическим этапом. Только ответив на этот вопрос, можно будет понять, двигалась ли Россия в колее мирового прогресса или прозябала на обочине, на каком полустанке она остановилась в конце века и в каком направлении ей идти дальше?

В отличие от многих государств мира, особенно европейских, Россия до XX века не знала революции, но, начав ее в 1905 г., не смогла завершить до конца столетия. В истории России принято выделять три революции: 1905—1907 гг., февральскую и октябрьскую 1917 г. Это взгляд, идущий с начала века. По его завершению необходимо смотреть на проблему шире, с позиций не только начала событий, но и их следствий, т.е. в континуитете. При таком подходе выясняется, что все три революции имели сходные черты, близкие результаты и одинаковую незавершенность, приведшую к почти вековому перманентному революционному процессу [1].

Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили модернизационный переход, а с другой стороны, свергала нарождающиеся буржуазные отношения и тем самым нарушала естественное течение этого перехода. В первом случае было историческое завоевание, во втором — историческая ошибка. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу, острота которой впоследствии была преодолена в значительной мере за счет технического прогресса) за основное (переход от традиционного общества к современному).

Под знаменем классовой борьбы в России прошел почти весь XX в. Она унесла десятки миллионов человеческих жизней, истощила демографические и природные ресурсы страны, обанкротила ее духовно-нравственный потенциал. Такого затратного политического механизма не знало ни одно государство в двадцатом столетии. Начав с разрушения экономики своей страны, становящейся после буржуазных реформ второй половины XIX в. на путь активной модернизации, большевики замахнулись на крушение западного общества, завершающего свою модернизацию.

Со времени захвата власти в России и до начала 1922 г. они истратили на нужды мировой революции только из бывшей царской казны 812 232 600 руб. золотом [2]. Такая линия настойчиво проводилась до середины 20-х гг., пока не обанкротилась. Мировая революция не отвечала национальным интересам России и ничего не дала для ее модернизации. Более того, она разрушила заделы, которые имелись в имперской России. Правда, надо объективно отметить, что она нанесла сокрушительный удар по остаткам феодализма как в России, так и во многих других странах мира, что ускорило их модернизацию.

Ответом на попытку российских большевиков развязать мировую революцию стала иностранная интервенция, которая едва не погубила Отечество. Дело

не только в том, что Запад пытался задушить коммунизм в колыбели. Это был только повод для вторжения. Главная цель заключалась в том, чтобы раздробить некогда могущественную империю, овладеть ее богатейшими сырьевыми ресурсами, необходимыми для завершения модернизации развитых стран в условиях передела мира. Ставилась задача устранения с политической арены великой державы. Не случайно еще Александр III за два дня до кончины предупредил своего сына, будущего императора Николая II, о том, что у России нет друзей, ее необъятным просторам завидуют соседи. К чести большевистского правительства надо сказать, что оно сумело отравить интервенцию, сохранить цельность разваливающегося на глазах государства.

После краха мировой революции в стане большевиков начался разлад, развернулись острейшие дискуссии о путях развития России, ее модернизации, которая оказалась в эпицентре идейной борьбы, хотя конфронтирующие стороны до конца и не осознавали этого, поскольку продолжали мыслить революционными категориями. На практике же вопрос сводился к тому, как из аграрной страны сделать индустриальную и тем самым преодолеть ее отсталость, закрепить новый режим, защитить его от посягательств извне. В ходе идейных баталий, замешанных на властных интересах, и последующих репрессий погибли тысячи партийных лидеров разного уровня, миллионы ни в чем не повинных рядовых партийцев и беспартийных граждан. Об этой кровавой драме написано слишком много, и в данном тексте нет смысла к ней возвращаться.

Важнее другое — правильно оценить победу сталинского курса на ускоренную модернизацию страны. При всей его жестокости он объективно отвечал насущным интересам государства в ту эпоху. Впрочем, не надо забывать о том, что и в западных странах путь к модернизации не был усыпан розами. Стоит только вспомнить английскую и французскую революции, движение луддитов и многие другие кровавые события европейской истории эпохи модернизации.

Основой советской модернизации стала мобилизационная экономика, которая предполагает высокоцентрализованную систему управления, жесткое подчинение экономических задач политическим целям, чрезвычайные меры по достижению этих целей, сочетание благородных идеалов с грубым принуждением, наличие специальных компенсаторов экономического и социального плана, крайнюю идеологизированность проводимых мероприятий. Последнее обстоятельство в советской модернизации играло особую роль, поскольку ускоренный переход от аграрного общества к индустриальному в условиях социально-экономической отсталости государства требовал мобилизации всех, не только экономических, но и духовных сил общества. Он, в отличие от капиталистической модернизации, проводился под знаменем социального равенства, светлого коммунистического будущего.

Стержнем преобразования страны стала индустриализация, что нашло отражение в многочисленных публикациях. Не возвращаясь к их сюжетам, нам предстоит осмыслить роль индустриализации в процессе модернизации России. При этом важно проследить, как она перекаливалась с революционными преобразованиями, какое воздействие оказала на страну, что имела общего и специфического с мировым модернизационным переходом. Не имея возможности в кратком тексте

проследить все детали этого процесса, попытаемся соотнести главные результаты, полученные в СССР, с основными критериями модернизации.

Создание тяжелой промышленности требовало огромных средств, современного сложного оборудования и высококвалифицированных кадров. Ничего этого в стране, разрушенной революцией и гражданской войной, не было. Стартовый уровень индустриального развития оказался как нигде в мире низким. Однако мобилизационная экономика с большим напряжением преодолела его.

В результате первых двух пятилеток (1929—1937 г.) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе место в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции [3].

Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%. Доля рабочих в социальной структуре выросла за эти годы с 12,4 до 33,5% [4]. Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. За 1929—1940 гг. среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилось на 19,6 млн. чел. (36%), а в промышленности и строительстве выросло на 8,9 млн. чел. (в 3,2 раза) [5].

Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного аграрного к индустриальному обществу. В подтверждение этой тенденции можно привести факты из других сфер общественной жизни.

В политической области произошла дальнейшая централизация государства, превзошедшая даже известные ранее аналоги. Состоялось разделение властей, но оно носило формальный характер и не отвечало требованиям модернизации. Широкие массы населения активно включались в политический процесс, но со временем их энтузиазм был узурпирован тоталитарной властью. Гигантские изменения состоялись на поприще культуры. Ярко выраженный характер получила секуляризация культурных систем и ценностных ориентиров, правда с односторонней социалистической ориентацией. По темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризация образования и распространение грамотности. Число специалистов с высшим и средним специальным образованием (без военнослужащих) в 1929—1940 гг. возросло с 521 тыс. чел. до 2,4 млн чел., т. е. с 4,8 до 7,7% всех рабочих и служащих [6].

Названные успехи позволили совершить гигантский экономический рывок. За двенадцать лет масштабы экономики страны возросли в 4 раза. Среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли в среднем 12,2%, продукции

промышленности — 14,5% в год. Советский Союз превратился в страну с современным производственно-техническим и научно-образовательным потенциалом [7].

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации.

Советская модернизация проводилась в контексте социалистических преобразований и не была их антиподом. Она шла в русле перманентной революции в стране, тесно переплеталась с ней, отражая ее суровый характер. Экспроприация дореволюционных носителей модернизации нанесла тяжелый урон не только им, но и очень сильно осложнила, увеличила жертвы советской модернизации. Индустриализация, осуществляемая в значительной степени за счет крестьянства и сельского хозяйства, привела к их деградации, от которой они не могли оправиться до конца советской власти, когда страна, имевшая максимальные посевные площади на душу населения, импортировала около 40 млн т зерна ежегодно, тратя на это огромные валютные резервы, и оказывалась не способной преодолеть дефицит продуктов питания.

Коллективизация и ликвидация кулачества как класса были подпроцессами советской модернизации на селе, проводились в форме настоящей революции, иначе нельзя назвать кардинальную смену форм собственности. Это дает основание утверждать, что революция продолжалась и после ее формального завершения. Такой вывод подтверждают и многочисленные сталинские репрессии, от которых погибло значительно больше людей, чем в некоторых странах во время классических революций.

Вторая половина века тоже прошла под знаменем модернизации, ее качественно нового этапа, масштабы и темпы которого задавали уже не только внутренние, но и внешние обстоятельства. Перед страной встали две группы двухуровневых задач высокой сложности и исключительной исторической важности. Первая группа задач была связана с внутренними проблемами, вторая — с внешними.

Решение внутренних проблем требовало, с одной стороны, выйти на мировой уровень технического прогресса, который очень сильно подстегнула вторая мировая война, для того, чтобы снова не оказаться в аутсайдерах модернизации, а с другой стороны, предстояло обеспечить значительное повышение жизненного уровня населения, компенсировать социальный долг, накопленный за годы довоенных пятилеток, поскольку социально-политическая обстановка послевоенного времени настоятельно требовала этого (острейший дефицит продуктов питания, товаров первой необходимости, жилья, медицинского обслуживания, затянувшееся ожидание улучшения жизненных условий после лишения индустриализации и коллективизации, массовых репрессий, Отечественной войны).

Вторая группа задач тоже состояла из двух уровней: обеспечение военно-стратегического паритета с США и активное военно-экономическое сотрудничество со странами социалистической ориентации, возникшими после второй мировой войны. Это были принципиально новые задачи огромной геополитической важности. К их оценке можно относиться по-разному, но бесспорно одно — история поставила Россию в такое положение, а насколько правильно она выходила из него — это уже другой вопрос. По крайней мере, пришлось с гигантским напряжением форсировать новый виток модернизации для того, чтобы выполнить свою историческую миссию.

В целом решать столь крупные задачи в пределах жизни одного поколения было также тяжело, как и преодолевать экономическую отсталость в ходе довоенной модернизации, тем более в рамках прежней мобилизационной модели и исчерпания ресурсов доверия к существующему режиму. Пришлось корректировать соотношение между накоплением и потреблением, между городом и деревней, переходить от трудоемких к трудосберегающим технологиям. При этом надо было совместить несовместимое в условиях острого дефицита финансовых ресурсов — огромные затраты на оборону и подъем жизненного уровня населения.

Для решения столь сложных задач был пересмотрен ряд ключевых принципов советской власти. Произошел переход от «мобилизационного общества» 30-х гг. к советскому аналогу «общества массового потребления» (развернулось активное жилищное строительство, производство бытовой техники, набирала темпы агропромышленный комплекс и др.), осуществлялся перевод экономики на новый уровень эффективности, связанный с замещением энергоносителями дефицитных трудовых ресурсов, что привело к форсированной разработке запасов энергоресурсов (живой труд активно заменялся энергоносителями, мощность электромоторов в промышленности за 50—60 гг. возросла в 7 раз). Основным источником инвестиций стал рост валовых сбережений, сменивший в этой роли сдерживание потребления. Вплоть до начала 70-х гг. рост оптовых цен и заработной платы опережал динамику розничных цен. Заметно росла производительность труда, повышалась заработная плата [8].

Новый этап модернизации оказался не менее плодотворным, чем предшествующий, но был глубже технологически и благотворнее для населения страны. Экономический рост, хотя и замедлился по сравнению с предвоенными годами, оставался устойчивым и динамичным. Его темпы в 50—60 гг. составляли 7—10% (6—8% с учетом скрытого удорожания продукции) за год, заметно превышая соответствующие показатели большинства развитых стран Запада [9].

Эти годы отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые беспрецедентные достижения были получены в области атомной энергетики, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. Они хорошо известны современному читателю и не требуют детализации. СССР стал одной из двух стран мира (наряду с США), способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадийное отставание России от передовых индустриально развитых стран. В середине 80-х гг. СССР входил в число мировых промышленных гигантов, занимая передовые

места по многим показателям индустриального прогресса. К 1985 г. его промышленная продукция составляла около 85% от американской.

Под влиянием модернизации происходили значительные изменения в социально-демографической сфере. В 1960 г. впервые произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР. К концу века по сравнению с его началом доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%. Состоялся скачок в качестве жизни. За 50—60 гг. среднедушевое потребление товаров возросло в 2,9 раза (с учетом скрытого роста цен) и достигло уровня, сопоставимого со стандартами среднеразвитых стран мира. Принципиально изменился рацион питания. Если в ходе довоенной модернизации при четырехкратном росте объемов промышленной продукции на душу населения производство мяса и молока снизилось соответственно на 24% и на 14%, а калорийность питания оказалась ниже уровня 1913 г., не обеспечивая медицинских норм, то за 50—60 гг. душевое потребление качественных видов продовольствия (мясо, молоко, рыба) возросло почти вдвое, достигнув устойчивого обеспечения физиологических потребностей человека. Развертывание массового жилищного строительства позволило снизить критическую остроту жилищной проблемы. Городское население в основном переселилось из подвалов и бараков в индивидуальные квартиры. Число людей, получивших новое жилье, в 1951—1960 гг. составило 84,6 млн чел. (41%) населения, в 1961—1970 гг. — 109,5 млн чел. (46%) [10].

Улучшение питания, жилищных условий, медицинского обслуживания, привело к резкому повышению продолжительности жизни. В 50-е гг. она увеличивалась в среднем на один год за год и к началу 60-х гг. достигла 70 лет, что соответствовало уровню высокоразвитых стран, тогда как в начале века составляла 32 года. Советская модель благосостояния в эти годы ориентировалась на насыщение первичных потребностей населения при невысоком уровне потребления, относительно низкую дифференциацию доходов и потребления, высокую степень охвата населения социальными услугами преимущественно за счет государства.

Эти результаты могли быть еще выше, если бы не гигантские расходы на оборону. Историческое противостояние двух сверхдержав — СССР и США — вместе с возглавляемыми ими военно-политическими блоками породило горы оружия, которое базировалось на достижениях модернизации и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений. Военно-промышленный комплекс (ВПК) СССР, стержнем которого было ядерное оружие и средства его доставки, использовал 13—17% валового внутреннего продукта страны, что было непомерно много для хозяйственной системы, пытающейся выйти из мобилизационного режима развития. Расходы на оборону выросли с 16,2 млрд руб. в 1950 г. до 51,3 млрд руб. в 1970 г. (в сопоставимых ценах). Численность занятых в ВПК увеличилось с 1135 тыс. чел. в 1946 г. до 2850 тыс. чел. в 1956 г. и 4 533 тыс. чел. в 1965 г. (17% занятых в промышленности) [11].

В результате такого напряжения удалось добиться стратегического паритета с США. Если в 1945 г. США имели 6 атомных боезарядов, а СССР ни одного, то в 1978 г. у СССР было 25 393, а у США — 24 424 боезарядов с соответствующими средствами доставки [12]. Формальный паритет принципиально

важен, но нужен ли он был на таком высоком уровне? По всей вероятности, той или другой стороне достаточно было применить хотя бы десятую часть своих боеголовок, чтобы уничтожить все живое на планете. Такая гонка за лидером привела Россию к разорению, на что, видимо, и рассчитывали США.

Геостратегическое противостояние СССР и США, Варшавского блока и НАТО равные политики и ученые оценивают по-разному, но бесспорно то, что Россия смогла достигнуть в нем успехов только благодаря мощному модернизационному рывку второй-половины XX в. В тех условиях это была вынужденная и необходимая мера, обеспечившая независимость и целостность государства. Последующие события показали, что, несмотря на разрядку, новое политическое мышление периода перестройки и либеральных реформ, геополитическая обстановка в мире не улучшилась для нашего Отечества.

В тесной связи с военно-стратегическими задачами Советского Союза находилась интеграция его хозяйственной системы в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), что также протекало на базе модернизации. Удельный вес стран-членов СЭВ во внешнеторговом обороте СССР составлял в рассматриваемый период 53—57%. Во второй половине 60-х гг. доля экспорта СССР в национальных доходах этих стран достигала в среднем 20%. Если учесть активные экономические отношения Советского Союза с азиатскими, латиноамериканскими и даже африканскими странами, то окажется, что под его влиянием находилась чуть ли не четверть мира. Это был апогей геополитического горизонта России.

В итоге второго этапа модернизации Советский Союз обрел самодостаточную экономику, которая вместе с его союзниками была соразмерена с мощью Западного мира. Эти две системы имели много общего и еще больше различного, в частности западная система строилась на территориальном разделении труда, а советская — на функциональном, которое со временем гипертрофировалось и привело к всевластию индустриальных сатрапий, не считавшихся с национальными интересами.

Достигнутое благодаря модернизации относительно высокое благосостояние народа со временем также гипертрофировалось, когда советская экономика втянулась в «потребительскую гонку» с Западом. Ей оказались не под силу две беговые дорожки одновременно — соревнования в области вооружений и массового высокого потребления. Западная система, имея многовековой опыт модернизации, загнала неокрепшую советскую экономику в тупик, что трагически сказалось на судьбе России в конце XX в.

Мировые достижения советской модернизации уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс гражданских отраслей начал терять темпы, перестал поспевать за техническими достижениями Запада, особенно в области высоких технологий. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и услуг, ограничивало рост благосостояния народа. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село, тем самым свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному, но по причине догматической трактовки она вела к опасным социальным и экологическим последствиям. Сельскохозяйственный труд все более превращался в разновидность труда индустриального, что

также доказывало движение по пути модернизации, однако в связи с волюнтаристской политикой на селе последнее все более деградировало, перестав удовлетворять потребности народа в продовольствии, а промышленности — в сырье.

Горбачевская перестройка во второй половине 80-х гг. и либеральные реформы 90-х гг. не исправили положение, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям. Возобладал поспешный курс на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала государства. В результате к середине 90-х гг. производительность в промышленном секторе России не достигала 20% американской [13]. Между тем, мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для продвижения крупной экономики к постиндустриальной модели развития.

Таким образом, Россию не миновала основополагающая цивилизационная тенденция XX в. — переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. Можно по-разному относиться к этому переходу, но игнорировать его нельзя. Более того, придется признать, что именно он определял внутреннюю и внешнюю политику страны независимо от того, к какой политической системе она относилась. Конечно, все это сопровождалось острейшим идейным противостоянием, ожесточенной борьбой различных политических сил, триумфом и трагедией их лидеров, многомиллионной гибелью сынов и дочерей Отечества, давлением со стороны внешних сил, героизмом трудового народа и предательством сановной бюрократии, но оно было производным по отношению к главной тенденции эпохи, развивалось на ее фоне, отражало ее противоречия и часто заслонило суть поистине цивилизационных сдвигов.

Печальным итогом XX в. для России является ошибочный отказ большевиков от основополагающей тенденции века, связанной с модернизацией, и переход к иллюзиям социализма в его начале, а затем еще более мучительный поворот от них либерал-демократов в конце века к ценностям далеко ушедшего за это время вперед гражданского общества. Ныне страна возвратилась на стадию первоначального, примитивного, грабительского накопления капитала, которое в начале века олицетворяло модернизацию и вызвало взрыв народной революции. Не исключена возможность того, что этот порочный круг замкнется в начале XXI в. и приведет к аналогичным последствиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Алексеев В.В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Урало-Сибирские исторические чтения, посвященные 275-летию Российской Академии наук. Екатеринбург, 2000; Опыт Российских модернизаций XVIII—XX века. М.: «Наука», 2000.

2. Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX веке. Т. I. М., 1997. С. 656.

3. История советского рабочего класса. М., 1987. Т. II. С. 426—427.

4. Там же. С. 199.

5. Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия: XXI век. 2000. № 2. С. 36.
6. Там же. С. 35.
7. Там же. С. 39.
8. Там же. С. 44—56.
9. Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия: XXI век. 2000. № 3. С. 29.
10. Там же. С. 30-31.
11. Там же. С. 49.
12. Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.
13. Иноземцев В.А. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 268.

THE BASIC TENDENCY OF THE RUSSIAN HISTORY IN THE XX CENTURY

The paper deals with civilization dynamics of Russia in the XX century. The author comes to the conclusion that the process of modernization realized in different political and ideological programs was the leading tendency of the country's life in the indicated period. Chief internal and external factors influencing dynamics of national development are detected and positive and negative results of Russia's modernization are demonstrated.

V.V. Alekseyev